

Что дальше: будет лобовое столкновение цивилизаций или планета станет гомогенной, уподобившись всемирной паутине, но сохраняя "фольклорные" уголки и традиции?»

Ей, разумеется, не хочется лобового столкновения. Поэтому она и рассматривает так любовно и с таким вниманием людей, привычки, особенности психологии, сравнивает ценности обитателей разных мест — все то, что отличает одно сообщество от другого. Волей-неволей, а точнее, благодаря особенностям собственного характера, она скрупулезно вникает в открывающиеся ей национальные миры. Отсюда и возникает ощущение *вовлеченности* автора, постоянной личной *причастности* к тому, о чем она пишет.

Такое не подделаешь никаким мастерством.

Конечно, многие имена, исторические факты, да и просто истории, имена городов... — многое выветривается из памяти еще до того, как дойдешь до финальной страницы. Думаю, автор это прекрасно понимает.

«Антропологические путешествия» вовсе и не рассчитаны на то, чтобы быть сводом разного рода сведений о тех или иных городах, весях и об особенностях ментальности людей, их населяющих (хотя о том, чем отличается тот же бургундец от парижанина или житель

одного кантона Швейцарии от другого, говорится весьма впечатляюще).

Тогда о чем же книга? Вернее сказать — *для чего?*

Люблю обычные слова,
Как неизведанные страны.
Они понятны лишь сперва,
Потом значенья их туманны.
Их протирают, как стекло,
И в этом наше ремесло, —

хрестоматийные строки Давида Самойлова.

Дело, понятно, не в обычности или замысловатости слов. Зрение ведь тоже надо время от времени протирать. Особенно если вам предстоит куда-нибудь съездить.

Вот для того и существует книга Татьяны Щербины. Чтобы иметь возможность протереть свое зрение. Причем, совершенно независимо от места, куда вы собираетесь — вовсе необязательно, чтобы это была страна, о которой сказано в книге.

А дальше — дальше, в поездке, пожалуй, неплохо иметь ее под рукой. Чтобы просто вспомнить, как это делать: протирать свое зрение. И вернуть себе способность смотреть на все свежими и незашоренными глазами.

Даниил Чкония

Счастьем оказалась сама жизнь

Начну с ключевой цитаты. Речь идет о временах, когда в изгнании в Париже пребывала чета Синявских, близких друзей Людмилы Сергеевой. Обстоятельства сложились так, что с автором книги воспоминаний «Жизнь оказалась длинной» и

Людмила Сергеева. Жизнь оказалась длинной. — М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. (Мемуары — XX век).

ее друзьями Синявскими случайно познакомилась француженка Кристин, занимавшаяся наукой и посещавшая тогдашний СССР с научными целями. Она прониклась сочувствием к этим людям, к их проблемам в отношениях с советской властью и помогала им в меру возможного. Именно по ее приглашению, несмотря на все препоны властей, Сергеевой удалось в советские времена вырваться в Париж. Ехала она, разумеется,

к Синявским, но кто же ее выпустил бы к ним?! Француженка была потрясена тем, какой широкий круг людей составлял это небезопасное духовное братство, это пересечение судеб разных людей, хранивших верность своему содружеству.

Людмила Сергеева вспоминает: «Кристин поражало, что мы все хорошо знакомы между собой и дружны, часто общаемся. Однажды Кристин мне сказала: ”Я поняла, почему вы все так дружите и у вас есть время ходить в гости друг к другу. Потому что вы мало работаете, у нас люди много заняты работой, и им не до дружбы”. Я ей постаралась объяснить: может быть, мы действительно работаем меньше французов, но и платят нам гораздо меньше, чем вам. Но дружим мы так верно и дорожим своими близкими отношениями не потому, что у нас много свободного времени, а потому что дружба — это единственное наше богатство, единственная наша дорогая недвижимость, самый надежный вклад в банке, других у нас просто нет».

Не стану делать вид, будто не знаком с автором книги. Мы достаточно долго проработали вместе в Литконсультации издательства «Советский писатель» и Союза писателей СССР. Людмила Георгиевна, Люда — человек неординарный. Филолог и редактор — не в смысле занимаемой должности, а по призванию. И главным ее талантом был и остался дар дружества. Она не только внимательно выслушивала людей, которых быстро располагала к себе, она принимала близко к сердцу чужие переживания, сомнения, держала услышанное в памяти, и без твоих просьб вдруг возвращалась к теме, когда возникал в ее голове толковый совет или возможность прямого участия и помощи.

Кое-что из того, о чем она пишет в своих замечательных мемуарах, иногда рассказывала и вспоминала в те времена, так что читателем я оказался пристрастным. В частности, о своих поездках в Париж и первых впечатлениях она рассказывала с неподдельным юмором и самоиронией.

В предисловии Сергеева пишет: «Я питаю робкую надежду, что мои воспоминания прочтут те, кто не знал лично этих удивительных людей и не жил в то время, которое выпало на мою долю. Хочу надеяться, что тексты заинтересуют и моих ровесников, которые детьми пережили войну, у многих погибли на войне или попали в “месиво, крошево” большого террора родители, наша

юность пришла на сталинскую диктатуру, молодость — на время “оттепели”. Я принадлежу к поколению, которое, несмотря на все трагедии XX века, попыталось воссоединить “распавшуюся связь времен”, дало толчок почти умершей нашей истории и рванулось к правде и свободе».

Эта книга читается как захватывающий приключенческий роман. Только роман не выдуманный.

Трудное детство, с постоянными переездами на новое место работы отца, талантливого инженера, отдавшего свои силы рудникам на пространстве «от Москвы до гор Сихотэ-Алиня». Обычная советская семья интеллигентов, которая испытала постоянную угрозу репрессий, теряющая близких людей, вынужденная выживать почти на положении нелегалов. Об этом периоде своей жизни — до студенчества — Сергеева рассказывает с болью, прикрытой иронической улыбкой.

Обычная советская девочка. Когда во дворе появляется другая — «принцесса», маленькая Люда, заводила двора, расположена к новенькой, но та высокомерничает: дочка, как видно, номенклатурного папы, не хочет свои роскошные игрушки делить с другими. На вопрос, откуда она приехала, «принцесса» отвечает — из Таллина.

«Мальчишки особенно невзлюбили эту задавалу и жадину, хотели что-нибудь сломать из ее игрушек, но я их решительно остановила: “Пойдемте играть отдельно, она ведь такая глупая, даже не может правильно назвать город, откуда приехала, говорит — из Таллина, а нужно сказать — из Сталина”. И с чувством превосходства над этой “принцессой” вся ватага ушла играть в свои привычные игры в другой конец двора». Дорого, что это воспоминание завершается словами надежды, что жизнь этой номенклатурной семьи «принцессы» не перемолота сталинскими лагерями — перед этой угрозой бессильны были все. В этом — характер Людмилы Сергеевой отражен точно. Даже из голодного и неуютного детства она вынесла расположенность к людям.

Об этом были написаны трогательные стихи Андрея Сергеева, мужа Людмилы, известного русского поэта, прозаика, переводчика английской и американской поэзии:

Для взрослых было — грохот стих,
А дети проникались былями.
Ты возникала среди них,
Одна бродившая сибирями.

Клубочек робкого тепла,
Отъятый бурею от вымысла.
Вот как и почему росла
И вот откуда в люди выросла.

Именно в люди выросла! Не озлобилась, не почувствовала себя ободенной. Она и пишет: «За свои долгие годы я поняла, что счастьем на самом деле оказалась сама жизнь, просто непредсказуемая жизнь, вся, с радостями и бедами, любовью, дружбой и разлукой, болями и утратами, со всем, что тебе на роду написано. И главным в моей жизни стали встречи с людьми — отзывчивыми, интересными, добрыми, красивыми, талантливыми, которых я много повидала на своем пути».

Встреча с талантливым молодым поэтом Андреем Сергеевым стала судьбоносной для Людмилы Ельцовой — такую отцовскую фамилию носила она до того, как настойчивый поэт добился ее согласия на брак. Они жили одними интересами, были неразлучны, им было интересно друг с другом. Андрею Сергееву посвящены многие страницы воспоминаний.

Сергеев был серьезен и сосредоточен на творчестве. Людмила была предана ему всей душой. На многие годы атмосфера их семьи стала притягательной для разных людей — будь это сокурсники, преподаватели, друзья.

В кругу друзей оказался и поэт Иосиф Бродский. Воспоминания Людмилы ценны тем, что она пишет о Бродском как о любимом друге семьи, человеку который часто останавливался в их гостеприимном московском доме, приезжая из Ленинграда. Бродский, если сходил с кем-то, оставался преданным до конца, окружая теплом и нежностью друзей. Здесь мы видим поэта как фигуру не статуарную, живую. Со своими маленькими человеческими слабостями, которые только оттеняют масштабность личности.

«С моей стороны не было “удушающей привязанности” (чего так не любил Иосиф!), ежесекундного придыхания, а были преданность, забота, восхищение его даром и интерес к его личности. В его присутствии я точно становилась лучше и умнее», — пишет Сергеева.

Мысль о том, что ее жизненная позиция, ее ценности формировались общением с выдающимися людьми, повторяется неоднократно. Искренне восхищаясь ими, она оказывалась умным, достойным собеседником, добавлю я. А деятельная забота о них превращала ее в драгоценного друга.

Сергеевы дорожили дружбой с Бродским. Бродский отвечал тем же. Их многое объединяло. Бродский ценил творческое дарование Андрея, доверял его вкусу, оценкам. В Америке Бродский признался Томасу Венцлове (тот записал в дневнике): «В том, что я уехал в Штаты, повинен, в сущности, Андрей Сергеев, ибо с его переводов у меня начался роман с американской поэзией».

Жизнь неожиданно внесла свои коррективы. В Москву приехала Марина Басманова, возлюбленная Бродского. Она была беременна, а ее взаимоотношения с поэтом оказывались очень сложными и мучительными для обоих. Людмила вспоминает, что Марина плакала: «Я поняла, что ей плохо. А всякой беременной женщине, по моим понятиям, должно быть хорошо, чтобы выносить и родить здорового ребенка». На следующий день в телефонном разговоре Сергеева рассказала Бродскому о состоянии Басмановой, о том, что ей сейчас нужна поддержка, следует потакать ее капризам, быть бережнее... Бродский взорвался и положил трубку. А затем написал резкое письмо, смысл которого был в том, что если Сергеевы его друзья, они должны стоять за него. Ответ Сергеева был категоричным — никому не позволено в таком тоне говорить с его женой!

Переживали обе стороны. Людмила осознавала свою правоту в отношении к беременной женщине. Друга не предавала. Она пишет: «Но мне стало еще понятнее, какая же глубокая обида, боль, ревность, покинутость говорят в нем — все то, что почти постоянно сопровождало его сильную и трудную любовь к Марине. Именно сейчас ему особенно была нужна моя дружба, на которую он мог всегда рассчитывать и на которую я всегда откликалась охотно, а тут вдруг, по его понятиям, взяла сторону Марины. Иосиф не знал, что я всегда встану на защиту всякой беременной женщины... Это была единственная размолвка между Андреем и Иосифом в их долгой и прекрасной дружбе. Иосиф был очень верным другом, безоговорочной верности он требовал и от друзей. Такой у него был категоричный, яростный, но прямой характер, без двойного дна. Это вредило в первую очередь самому Иосифу». А размолвка друзей скоро разрешилась восстановлением отношений.

Сергеева прекрасно пишет о Литве и их с Андреем литовских друзьях — общих с Бродским.

Замечательные страницы посвящены

встречам с Ахматовой. Само первое знакомство уже создало атмосферу дружества.

«Когда Анна Андреевна подошла к телефону, Андрей выпалил: “Анна Андреевна, здравствуйте. С вами говорит Андрей Сергеев, я пишу стихи. Мне бы хотелось вам почтить”. Густой, обволакивающий голос Ахматовой, который слышу и я. “Пожалуйста, приходите”. — “Когда?” — “Сейчас. Только я позову к телефону кого-нибудь из более нормальных людей, они вам объяснят, как добраться”. Неслыханно! Вот так, позвонив из телефона-автомата, может тут же незнакомый человек поехать на встречу с великим поэтом. Было это в 1960 году...

Стихи Ахматовой, встречи с ней, ее незабываемое прекрасное лицо, Комарово, Фонтанный дом, Иосиф Бродский, Андрей Сергеев — все слилось воедино и осталось со мной навсегда. А через три года у меня родилась дочь, и я назвала ее Анной, теперь ученики называют ее Анна Андреевна».

В своей книге Сергеева вспоминает и о знакомстве и завязавшей дружбе с Надеждой Мандельштам. Пишет о ее характере, о метком языке и самоиронии: «У Надежды Яковлевны распухло и побелело колено — артрит. Кого-то из позвонивших она попросила купить змеиный яд, но в дефиците была не только еда, даже змеиного яда в аптеках не оказалось. В это время у нее в гостях сидела Мария Васильевна Розанова, которая тоже за словом в карман не лезла. “Надежда Яковлевна, зачем вам змеиный яд? Вы поплывите на колено, и все пройдет”. — “Сейчас попробую”, — не моргнув глазом, ответила Надежда Яковлевна». Розанова называла Надежду Мандельштам «веселой вдовой». Людмила часто бывала у Надежды Яковлевны, дежурила у нее, так было до самой смерти вдовы поэта.

Сергеева подробно пишет о подвиге Надежды Яковлевны, собиравшей по крохам стихи погибшего мужа, сохранявшей их в своей памяти, переписывающей их, чтобы потом через друзей-иностранцев передать в руки надежным специалистам на Западе. Страх перед властью не покидал, она ожидала, что в любой момент может произойти обыск или арест. Но сильнее страха было желание сохранить для потомков, для поэзии неопубликованные строки великого поэта.

С некоторыми героями воспоминаний Людмилы мне довелось общаться. Двоим из них — поэту Николаю Панченко и польскому слависту Анджею Дравичу — в моих книжках

есть стихотворные посвящения, а А Володя и Лиля Кочетовы — друзья студенческой поры. Довелось познакомиться и с ее тогда уже бывшим мужем — поэтом Андреем Сергеевым, заглянувшим к нам на работу с какими-то вопросами к Людмиле. Впечатление было тяжеловатым: он был напряжен, чуть ли ни угрюм, немногословен.

Вот еще одно воспоминание Людмилы: «Весной 1969 года я должна была родить ребенка, в планы Андрея Сергеева это не входило, и мы собирались разводиться. Мария Васильевна, как, впрочем, большинство наших друзей, в течение одиннадцати лет умилявшихся нашей паре, написала мужу об этом с болью и грустью. Вот ответ Синявского: “...Огорчительны Собакевичевы разводы... А Собакевичева история дика, и разве можно так против судьбы переть, из чистого рационализма, она за это накажет. И какой он веры, что так рассуждает. Только я надеюсь, когда появится маленький Собакевич, сердце его не выдержит, как тот самый камень, и размякнет, и расцветет удивленной любовью. А не расцветет — пусть катится к черту, туда и дорога, и не жалко”. На этом и раздружились навсегда Андрей Донатович Синявский с Андреем Яковлевичем Сергеевым. А ко мне и Мария Васильевна, и Андрей Донатович стали еще более внимательны и дружелюбны. Мария Васильевна звонила почти каждый день. А когда я родила дочь, в числе первых примчалась посмотреть на Анюту. Думаю, что Мария Васильевна захотела стать моей крестной матерью неслучайно».

И здесь, мне кажется, важно сказать: Сергеева в своей книге предстает как человек пристрастный, но объективный. Она говорила: «Разводятся с женами. С детьми не разводятся».

Работа в Литконсультации — занятие не для слабонервных. Люди, измученные бесконечными отказами в публикациях, шли в Союз писателей чередой. Беседа требовала не только профессионального уровня, но и психологического умения вызвать доверие возбужденного (нередко — агрессивного) автора — он же добрался до Москвы в поисках подтверждения собственной одаренности, это, по его мнению, была последняя инстанция и мириться с негативной оценкой своих текстов он был не намерен.

Меня восхищала способность Людмилы Георгиевны быть внимательной и терпеливой. Успокоить, убедить, посочувствовать, посоветовать. Быть искренне дружелюбной.

Но помимо примитивных текстов бездарей вдруг мелькали живые строки неумелого сочинителя, и тогда Сергеева привлекала автора, фактически занимаясь с ним индивидуально, доводя его до журнальной публикации, а бывало, и до книги, не скрывая своей радости. Порой случались тексты, в которых неправильность языка вдруг оборачивалась неожиданно звучащим словом, о чем сам автор не догадывался. Это было праздником филологического чутья. Дальше я привожу фрагмент воспоминаний Сергеевой: «Кое-что личное мне хочется вспомнить в связи с рассказом “Графоманы”. Андрей Донатович был большим любителем и ценителем “моих графоманов”, чьи стихи я рецензировала в Литконсультации с 1958 года и читала Синявскому. Три человека проявляли большой интерес к графоманским сочинениям и всегда просили меня почитать им наиболее интересные, восхищались ими и хохотали от души — Андрей Сергеев, Андрей Синявский и Томас Венцлова. Буйную фантазию и трогательно безыскусное, но всегда непредсказуемое и фантастическое обращение со словом графоманов Андрей Синявский почитал наравне с блатной песней, анекдотом, байкой, частушкой, народной сказкой. /.../ Синявский любил повторять строку одного моего подопечного автора, который верил в коммунизм и видел его восходящую зарю вот так: “И лучи того света видны!”»

Даже в лагере Синявский будет записывать, посылать жене, а потом вставит в свой непревзойденный “Голос из хора» графоманские вирши: “А вот как безграмотность оживляет штамп:

Я один кругом на свете,
Без подпорок и корней,
Без родных сестер и братьев,
Без отцов и матерей.

Тут вся сила во множественном числе”».

Дружбе с четой Синявских посвящена значительная часть книги «Жизнь оказалась длинной».

Один из любимых учителей Людмилы, Синявский, когда решалась его судьба после лагерного заключения (отсидел он полный срок, отказавшись признать себя виновным), понимая, что работать и жить спокойной

жизнью ему не дадут, писал в Правительство СССР: «Я — писатель и, независимо от того, как расцениваются мои вещи, вижу в этом единственный смысл моей жизни. За это я был судим в 65-м году, за это отсидел шесть лет в лагере — и не раскаялся, и если понадобится, готов за это же идти в тюрьму и в лагерь по новой... Вы болеете за Россию? За мощь государства? Но у таких, как я, нескольких человек, интеллигентов, извините за выражение, тоже есть своя боль. Поймите — нам стыдно. Стыд сжигает лицо. За Россию. Хотя все про все, чего мы стыдимся, о чем болеем, заключается в слабых словах: иск-во, лит-ра... Вам жаль Сталина. А нам жаль Мандельштама, Бабея, Пастернака, Ахматову, Булгакова, Цветаеву... Их — убивали. Не вы персонально, но те, кто тогда голосил и голосовал от имени Правительства...»

Мог оказаться в лагере снова. Обошлось. Выгнали из страны. А потом во время надежд и перемен пустили назад, вернули гражданство. Что знает об этом молодое поколение? Чего оно ждет от нынешних времен? Ведь, как пишет Сергеева, «Андрей Донатович Синявский научил нас тому, что “стилистические разногласия” с властью важнее, чем идеологические. “Стилистические разногласия” Синявского с советской властью — глубинные, сущностные и далеко идущие — касаются не самой преходящей власти с ее демагогией, ложью, репрессиями, популизмом, а воздействуют на структуру общества, на его нравы, его язык, на культуру народа, которая только и остается в истории отечества на века». И еще. «Синявский, прошедший арест, несправедливый суд и шесть лет мордовских лагерей, имел полное право, исходя из собственной жизни и судьбы, сформулировать писательское кредо в “Голосе из хора”: “Писать нужно так, чтобы сначала, с первых абзацев, отрезать себе путь к отступлению и жить уже по закону предложенного сцепления слов, как единственного пространства, которое ты имеешь в наличии... Творчество — это отчаянная постановка вопроса: жить или не жить?”»

Синявские решительно, смело и даже с азартом выбрали жизнь, замечает Сергеева.

Ее — жизнь — выбрала и сама Людмила Сергеева. Об этом ее книга.